

готовности к политическому участию. Это результат неверия граждан в возможность влияния на политический процесс и принятие политических решений. Отсутствие смысла политического участия для граждан – главный критерий негативной и временной эффективности этой квазиполитической конструкции, индикатор ее реально недемократического характера. Это скрытое исключение граждан из политики осуществляется постепенно и неотвратно как специальная операция, осуществляемая «под прикрытием» формально демократических институтов. «Системные» политики часто за просчеты правительства, парламента, других органов власти возлагают ответственность на рядовых граждан, ссылаясь на выборы. Эти ссылки являются не просто лукавством, но прямым обманом, поскольку «самостоятельность» волеизъявления граждан не обеспечена институционально. Невостребование собственных прав с точки зрения официального дискурса оказывается виной рядовых граждан, хотя политическое бездействие, как мы знаем, базируется на апатии масс, которая сознательно культивируется и совокупностью неформальных институтов, механизмов, практик, и технологий управления, и массовой культурой. Все формальные политические институты, процедуры и механизмы, в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации нацеленные на расширение политического участия – парламент, политические партии, общественные объединения – вкуче с неформальными институтами власти представляют собой специфическую конструкцию, имитирующую вовлечение граждан в политику и управление, но фактически действующую в обратном направлении. Работает эта конструкция как машина целенаправленного, фронтального, но скрытого и разделенного на мелкие процедуры и практики вытеснения граждан и их объединений из всех даже потенциальных политических площадок, оттеснения от любых форм и способов участия в политике.

4.3. Протест как реакция общества на действующий политический порядок

Существо политической ситуации, сложившейся в России после парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг., и фактически, и символически выражает слово «протест». В контексте проблемы возможности действительного, а не формального рождения российского гражданина, анализ той ситуации приобретает особое значение.

Российское общество, более четверти века находящееся в процессе периодически возобновляемого реформирования, декларируемого в каче-

стве модернизации, судя по общественному дискурсу, ощущает, что на самом деле пребывает в состоянии застоя, если не деградации. Результаты практически всех реформ оказались не просто далекими от запланированных, некоторые их последствия обнаруживают вектор, обратный задуманному. Российские реформы, как и модернизация в целом, носят принципиально незавершенный характер. Из многих демократических политических институтов, учрежденных в 1990-е годы, позже оказалось целенаправленно выхолащенным властью их демократическое содержание. Разделение властей фактически подменено неотрадиционалистской монополией «власти-собственности», принадлежащей узкой группе элиты, сконцентрировавшей в своих руках политическую власть и все наиболее важные – экономические, информационные и иные ресурсы страны, включая институты правительства, «парламента» с его «системной оппозицией», партийную систему, систему права, органы принуждения.

Первый субъект, участник политической ситуации 2011–2012 гг., это политическая элита, которая независимо от либеральных и социал-демократических лозунгов, от раздаваемых ею милостей социальной политики, несмотря на наличие внутренних разногласий внутри нее самой, фактически заняла одну-единственную позицию стража своей власти-собственности. Властная формально-неформальная группировка не шла (и до сих пор не идет) на диалог ни с обществом, ни с внесистемной оппозицией, расценивая такой диалог как слабость, а данную сторону уподобляя террористам. Острые социальные проблемы власть «решала» с помощью имитационных форм и манипулятивных технологий, заботясь лишь о собственном имидже и рейтингах. Однако масштаб и число нерешенных проблем возрастали, увеличивая вероятность и силу грядущих социальных потрясений, угроз и вызовов для самой власти. Обратная связь с обществом почти отсутствовала, поскольку каналы связи были в основном подконтрольны власти, информация от малочисленных независимых СМИ зачастую плохо доходила до публичной сферы. Эксперты и консультанты информировали верхушку элиты о необходимости политики модернизации, и лидеры на словах ее проводили, произнося речи об ослаблении барьеров для регистрации политических партий, о демократизации партийной системы и т.п. Однако всерьез власти не стали заниматься модернизацией политической системы даже в условиях начавшихся массовых протестов.

Между тем ситуация развивалась. Обществу все больше надоедало обманываться словами и обещаниями. Приходило осознание отсутствия политики, направленной на реальное решение социальных проблем посредством налаживания работы политических институтов и инструмен-

тов представительной демократии. Разные социальные слои общества продвинулись в этом понимании в разной степени. В научных журналах появились статьи, посвященные особенностям и препятствиям российской модернизации [Тихонова 2012; Лебедева, Туманянц 2012; Лапин 2012; Мартьянов 2009], теории революции [Пастухов 2011; Пантин 2011], политическому и гражданскому участию населения [Какабадзе и др. 2011], протестным отношениям [Авакьян 2011]. В публицистике доминировали настроения эмоционального и нравственного неприятия несправедливости нынешнего политического и правового порядка, ощущения обмана, раздражения, критической оценки действий власти. Некоторые СМИ выражали и критические настроения людей по отношению к самому обществу – недовольства апатичностью, бессилием и фатализмом большинства общества, допускающего произвол власти. У ряда социальных слоев и групп возникло стремление действительно участвовать в ликвидации несправедливости. В обществе нарастала потребность в реальной, а не имитационной модернизации, в коренных преобразованиях системы политического управления обществом, потребность в реализации конституционных прав граждан. Общественность требовала модернизации от власти и готова была принять соответствующие вызовы. Если потребность в обновлении посредством реформ не осуществляется, рано или поздно она проявляется в виде протеста, а то и революционной ситуации.

Второй крупный участник политической ситуации 2011–2012 гг. – общество и представляющая его внесистемная оппозиция. Российское общество было и остается неоднородным, фрагментарным, по преимуществу аполитичным. И это не случайно, поскольку одним из оснований нынешнего режима являлась в ту пору «технология поддержания общества в состоянии апатии, безальтернативности и покорности» (Л. Гудков). Довольно большая часть общества – сторонники нынешнего политического режима поддерживали и поддерживают элиту в силу разных форм зависимости от нее, страха перед изменениями и всем новым вообще, а также по причине иллюзорных представлений о будущем продолжении роста благосостояния, свойственного нулевым годам. Эта часть общества, традиционно поклоняющаяся власти и разделяющая ее консерватизм – политическая элита, бюрократия, крупный бизнес, правоохранительные органы, бюджетники, – является социальной базой путинского режима. Она не осознает несовпадения и даже противоположности между своими интересами и скрытыми интересами правящей элиты. Однако после неприкрытого цинизма, с которым обществу был послан сигнал о том, что в политике все предрешено и участия населения не требуется, некоторые группы об-

щества встряхнулись от гипнотического сна безысходности и осознали действительный характер власти, отсутствие конституционализма в нашей политической системе и достаточной степени реализации политических прав граждан, возникла потребность выразить свое отношение в протестном действии.

Начало протестного движения связано с оскорблением достоинства людей и окончательным прозрением: «Путин назначил преемником сам себя, а его решение закрепили голосованием» (А. Левинсон). Все большему числу людей стало ясно: российский парламент не является представительным органом власти и не служит выработке политических решений, касающихся общего блага; формальные выборы выборами в реальном, содержательном смысле слова не являются; отсутствует политическая конкуренция; группы депутатов Государственной Думы, называемые «парламентскими политическими партиями» собственно политическими партиями не являются, поскольку представляют интересы отнюдь не групп общества, а госаппарата, бюрократии или силовых структур. Главное – пришло ощущение несогласия с тем, что «от тебя ничего не зависит».

Последнее принципиально противоречит сути модернизации. Внутренним содержанием процесса модернизации является одновременное изменение общества и его управляющей системы в режиме постоянного согласования и взаимной корректировки процессов самоорганизации и организации, самоуправления и управления. Все большее значение в этом процессе имеет активность индивида – экономическая, политическая, иная. Эффективность функционирования обществ как все более сложных самоорганизующихся систем зависит от относительной самостоятельности индивидов. Политические теории XX–XXI вв. фиксируют рост зависимости воспроизводства и действия политических институтов и систем от субъективного участия граждан. Легитимность политических институтов связана с вовлеченностью граждан в их функционирование и развитие. Система представительной демократии основана на гражданском и политическом участии, на постоянном обеспечении ответственности общеполитических решений и режима властвования и управления перед гражданами, на соотносении властных институтов с частными интересами, множестве институтов и механизмов контроля граждан и их объединений за институтами государственной власти.

Реальная политическая модернизация, как показывает европейский опыт, состоит в расширении слоя активных участников политического процесса, и она есть следствие потребности активной части населения в освобождении индивидуальной инициативы, в усилении роли индивида и общественных объединений (как форм ассоциации автономных индиви-

дов) в определении собственной экономической, социальной, политической жизни. К этой роли уже была готова достаточно большая часть населения. Люди хотят определять свою жизнь сами. Потребность «работать на себя», а не «на чужого дядю» или государство, сформировалась у значительной части общества. Но на пути реализации этой потребности выстроено множество бюрократических и иных препятствий. Нынешний политический режим всячески противится выходу самостоятельных экономических и политических субъектов на публичную сцену, он стремится к «пьесе», в которой играет один коллективный актер – узкая группа элиты, принимающая политические решения и политическую «игру» лишь внутри себя. Представители данной группы, осуществляющие наличный политический режим, не стремятся делиться ролью субъекта политики с другими группами общества, поэтому ждать от них создания правовых и политических институтов, которые способствовали бы формированию конкурирующих с властвующей группой субъектов, не приходится.

Для эффективного развития общественного движения в позитивном направлении огромное значение имеет вера каждого в то, что небольшое действие – участие в акции протеста, или в суде в качестве присяжного заседателя и т.д., может оказать влияние на улучшение общей ситуации. Это вера и в свой индивидуальный политический потенциал, и в силу солидарных действий. Она поддерживается эмоциями, развивающимися циклично: от возмущения несправедливостью, к желанию и готовности выразить протест посредством солидарного действия к постепенному угасанию накала эмоций, к рутинизации действия. Важна роль лидеров, способных вдохнуть в массы эту веру, мобилизовать их, выработать стратегию и тактику общественного движения, создать организационные структуры, способные привести движение к успеху. Позитивные моменты развития форм политической активности в настоящее время связаны с распространением движения наблюдателей на выборах, с ростом гражданской компетентности, с креативностью лидеров и активистов, развитием их организаторских способностей, навыков самоорганизации, солидарности, разработкой новых оригинальных форм мирного протеста.

Политическая ситуация 2011–2012 гг. стала выражением политического кризиса, в том числе и кризиса легальных форм участия, поскольку политическая элита систематически препятствовала формированию реальных институциональных и символических факторов и условий для участия масс в политике. Приводимые политиками аргументы о неготовности россиян к демократии уже не могли рассматриваться в качестве обоснованных и адекватных реальности, поскольку известно, что граж-

данская компетентность формируется в процессе гражданского участия в различных формах самоуправления, солидарности и участия. Раздражающим общественное мнение фактором становились и учрежденные властью имитационные формы политического участия – Общественные палаты, Гражданский форум, Открытое (электронное) правительство и т. п. Манипулятивные технологии власти по ослаблению протестного движения показали частичную эффективность на определенное время, однако за его рамками они перестают действовать. Протест возникает как поначалу эмоционально-психологическая, а затем деятельная и рациональная реакция активной части общества на несправедливость тех или иных действий (бездействия, или конкретных мер, политики) власти, на проявления тех или иных противоречий и пороков политического порядка в целом. Протест – это одна из форм политического участия, имеющая вначале характер стихийной активности людей, но при взаимодействии с уже имеющимися в обществе социально-политическими движениями приобретающая все большую целенаправленность и упорядоченность. В ходе протестного движения активная часть общества осознает свои реальные социальные и политические потребности и интересы, а равно и интересы управляющего социального слоя. Что же составляет содержание протеста, чего требует возмущенная общественность?

На митингах звучали требования о необходимости смены авторитарного режима, основанного на правлении клики, на действии неформальных, теневых, во многом коррупционных отношений, практик и непрозрачных механизмов принятия политических решений, действующих «под прикрытием» формальных – конституционных политических институтов. Главным требованием активной общественности было создание иного политического порядка, при котором не будет рассогласования реального и имитационного, несоответствия обещаний и практических действий. Люди заявляли о потребности в открытой и честной политической власти, политической жизни и системе управления, нацеленной на решение назревших проблем общества. Был сформулирован запрос на изменение нынешнего порядка, на демократические политические институты и открытую политическую систему, на систему государственного управления, в которую будут вовлечены граждане, и эффективность которой будет определять широкий доступ граждан во власть. В своих требованиях общественность склонялась к партиципаторной модели демократического управления, с максимальным вовлечением граждан.

Без массового политического участия невозможно осуществить ни одно из направлений модернизации. Проблема заключается в том, что на-

ша политическая элита управляла государством и обществом, стремясь осуществлять исключительно технико-технологическую модернизацию без обновления экономической и политической системы, причем, делать это, не меняя способа и характера государственного управления, а предполагая использовать население как неистощаемый ресурс власти и послушную малоквалифицированную производительную силу. Из этого противоречивого и неадекватного реальности представления о направлениях и факторах модернизации логически вытекает, что на самом деле ни к какой модернизации, даже ограниченной (например, сферой экономики), власть никогда реально не стремилась. Скорее всего, элита надеялась на возможность чисто внешней или даже имитационной модернизации, не меняющей способа управления и политического порядка в целом. Действительная политическая модернизация связана с расширением и ростом массовости политического участия населения. Российская же государственная политика направлена в обратную сторону – создания все более изощренных бюрократических и иных барьеров против вовлечения населения в политику. Под декларации о создании кадрового резерва для государственного управления и социальных лифтов для молодежи происходило сокращение выбора сфер профессиональной деятельности и возможности горизонтальной социальной мобильности. Резкая социальная дифференциация населения стали препятствием переходам с одного уровня социальной пирамиды на другой, ограничили возможности вертикальной мобильности, возникли новые закрытые друг от друга «сословия». Государственная вертикаль и правящая партия сделали чрезвычайно ограниченным доступ в политическую элиту, фактически прекратилась ее ротация.

Парламентские и президентские выборы прошлого цикла проходили на фоне процесса делегитимации режима [Россияне 2012]. Большинство общества результаты выборов были приняты, но по крайней мере треть населения восприняла их как не вполне легитимные. По данным Левада-центра, протестные настроения охватывали от 25 до 35 % населения [Президентские выборы... 2012]. Власть не позволила в судебном порядке разобратся в степени нечестности выборов, требования их отмены всерьез не рассматривались, председатель Центризбиркома не был привлечен к ответственности за возможные фальсификации результатов, но был демонстративно награжден как бы в насмешку над митингующими. Неудовлетворенность действиями властей вылилась в общественную мобилизацию. Содержательное исследование протестного движения с использованием результатов качественного анализа данных было проведено Д. Волковым. Он отметил несколько направлений развития протестного движе-

ния: «наблюдение за выборами, участие независимых кандидатов в муниципальных выборах в Москве, массовые и индивидуальные акции протеста с политическими требованиями, акции гражданского неповиновения, в том числе “прогулки”, “гуляния” и молодежный “Оккупай”» [Волков 2012: 184]. Это было живое движение, сторонниками которого владело искреннее стремление установить правду – поставить под общественный контроль не только результаты выборов, но и ввести общественную подотчетность федеральных и региональных политиков и лидеров протестного движения, установить порядок антиавторитарной власти. Поначалу протестное движение как альтернатива путинскому режиму складывалось в разнообразное, состоящее из разных общественных сил и организаций, конкурентное, публичное политическое поле.

Общественность не стремилась к насильственным формам протеста, митинги первых месяцев показали мирный настрой людей, готовность к ненасильственному и толерантному к правоохранительным органам поведению, способность оппозиции к организации мероприятий, безопасных для участников и горожан. Однако любые массовые акции не могли быть защищены от провокаций как со стороны радикальной оппозиции (анархистов, ультранационалистов и т. п.), так и со стороны силовых структур. Именно отсутствие реальных политических реформ и позитивной реакции власти в виде приглашения общественности и оппозиции к диалогу неизбежно выталкивает протестное движение за пределы легального поля политики. Протестное движение 2011–2012 гг. не имело отлаженных организационных структур, программа и стратегия действий были сформулированы лишь в самом общем виде. Однако нет сомнений в том, что главной целью протестующих было изменение существующего, лицемерного по сути, социального и политического порядка, рассмотрение его как антимодернизационного. Исследователи рассматривали разные сценарии развития ситуации – мирный и насильственный, путем радикальной трансформации и путем инерционного развития. Высказывалась мысль о вероятности сценария «Политическая реакция», который может осуществиться вследствие перехода инициативы к радикальной оппозиции и трансформации ситуации в силовые конфликты [Дмитриев 2012]. К сожалению, в условиях отсутствия реального политического процесса (наличия политической конкуренции, честных выборов, наличия действующей публичной сферы политики) возможен путь радикализации политики, чреватый негативными последствиями. Основная часть требований внесистемной оппозиции являлась модернизационной по направленности, это свидетельствовало о значительном потенциале протестного движения. При определенных условиях – появлении новых ответственных политических

лидеров, способных выработать программу, организационную структуру и легальные способы коммуникации с властью, при отсутствии провокационных и насильственных действий со стороны власти и радикалов, или при способности и готовности оппозиции такие действия нейтрализовать, протестное движение способно было внести вклад в политическую модернизацию России.

Постепенно эти силы начинали осознавать и формулировать собственные социальные и политические интересы. Однако механизмов согласования интересов разных социальных сил, организаций и движений, способов разрешения конфликтов в рамках действующего политического порядка не было. Все это вело к нарастанию социальной напряженности и угрозам разрушения данного политического порядка. Поначалу реакцией власти на общественные протесты были заявления о внесении изменений в работу некоторых политических институтов. Однако постепенно прояснилась декларативно-имитационная суть этих заявлений. Испугавшись вначале, власть надавала массу обещаний по обновлению и демократизации правил политической игры. Однако, опомнившись, она обусловила реализацию предложений и законопроектов такими ограничениями, что из них исчезло реальное демократическое содержание и остались лишь популистские заявления. Новый закон о выборах лишь создавал иллюзию свободы, но сохранял запрет на формирование предвыборных объединений и блоков, в нем принципы многопартийности были доведены до абсурда, и предложены имитационные элементы модернизации политической системы. «...осознав опасность, власть перешла к привычным мерам подавления общественных инициатив – посредством ужесточения законодательства, точечных репрессий и громких политических процессов над оппонентами, повышая тем самым риски и цену независимого коллективного действия, создавая механизмы удушения публичной сферы» [Волков 2012: 184].

Вследствие устойчивого отказа властей от диалога с обществом и его представителями возникли серьезные признаки революционной ситуации. Все легальные формы обсуждения проблем, все публичные пространства и площадки были монополизированы властью, все каналы возможного влияния общества на принятие политических решений были перекрыты. В результате такой политики в настоящее время у общества почти полностью отсутствует реальная возможность влияния на власть посредством легитимных форм политической активности – участия в честных альтернативных выборах, петициях, согласованных с властью митингах, в функционировании общенационального и местных парламентов, региональных политических партий и движений, избирательных объедине-

ний, посредством форм прямой демократии. Нежелание власти открыть эти легальные возможности и тем самым разделить власть с общественностью, ограничить себя, детерминирует латентное нарастание политического кризиса, поскольку подталкивает активную часть общества к нелегитимным и неинституционализированным формам политического участия. Жесткость политического режима по отношению к обществу может обусловить радикализацию массового оппозиционного движения. В условиях политического отчуждения большинства населения, низкой его вовлеченности в политику, распространенной становится такая модель политического участия, как модель депривации. Хроническая неудовлетворенность людей непризнанием достоинства в каждом человеке, отсутствием реализации конституционных прав гражданина, ничтожной публичной ролью, которая обществу и каждому гражданину отводится российской властью, детерминирует развитие политической активности в радикально протестных формах. В конечном итоге исход любой политической ситуации определяется комплексом факторов и соотношением политических сил. Б. Кагарлицкий как-то сказал, что «революции делаются властью» [Фан 2007]. Поскольку российская власть все более замыкается в себе, отсекая все каналы и условия прямой и обратной коммуникации с обществом, и опирается на запретительные и силовые методы управления, революционный исход развития такой политической ситуации противостояния элиты и общества в определенный момент времени не исключен.

Литература

Абрахамсон П. (2001). Социальная эксклюзия и бедность // ОНС. № 2.

Авакьян С.А. (2012). Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституц. и муницип. право. № 1.

Айвазова С.Г. (2006). Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.

Волков Д. (2012). Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестн. обществ. мнения. № 3-4 (113).

Гельман В.Я. (2010). «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. № 2 (57).

Гельман В.Я. (2003). Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС. № 4.

Гельман В.Я. (2012). Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. № 4 (67).

Граждане и политические практики в современной России (2011) : воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Гражданское и политическое в российских общественных практиках (2013). М.

Гудков Л.Д. (2016). Парадоксы социальной структуры в России // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).

Даль В.И. (1998). Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.

Дмитриев М. (2012). Политический кризис не закончится, даже если протесты ослабнут // Ведомости. 24 мая.

Дмитриева А.В. (2012). Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социол. журн. № 2.

Завадская М.А. (2011). Арены участия: Россия в европейском контексте // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Зубарев С.М. (2011). Хрустальный купол фантазий. М.

Институциональная политология (2006) : Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. (2011). Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // ПОЛИС. № 3.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся обществе. Состояние отцовства в России [Электронный ресурс].

Кузин О.Ю. (2010). Вовлечение граждан в политическую жизнь общества в условиях посткоммунистической трансформации России. Тула.

Лапин Н.И. (2012). Об опыте стадийного анализа модернизации // ОНС. № 2.

Лебедева Н.Н., Туманянц К.А. (2012). Препятствия модернизации в современной России // ОНС. № 1.

Левада Ю. (2006). Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. № 2(82).

Левинсон А. (2011). Наши М и наши Ж // Неприкосн. запас. № 2 (076).

Луман Н. (2006). Дифференциация. М.

Малинова О.Ю. (2004). Гражданство и политизация культурных различий // ПОЛИС. № 5.

Мартьянов В.С. (2009). Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 9.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (2010). Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.

Московичи С. (1999). Психология харизматического вождя // Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара.

Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // ПОЛИС. № 6.

Пантин И.К. (2011). Русская революция как проблема политической философии // ПОЛИС. № 5.

Пастухов В.Б. (2011). «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России // ПОЛИС. № 1.

Патрушев С.В. (2009). Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // ПОЛИС. № 6.

Президентские выборы в России 2012 (2012) : постэлекторальный анализ [Электронный ресурс].

Ранкур-Лаферриер Д. (1999). Психоанализ Сталина // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара.

Россияне о прошедших выборах и перспективах протестного движения (2012) [Электронный ресурс].

Соловьев А.И. (2000). Политология: Политическая теория, политические технологии. М.

Степанова Е.А. (2008). Фундаментализм и мания идентичности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 8.

Степанова Е.А., Ефлова М. (2012). Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Власть. № 1.

Тихонова Н.Е. (2012). Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики в России // ОНС. № 3.

Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) [Электронный ресурс].

Фан И.Б. (2007). «Революции делаются властью». Интервью с Б.Ю. Кагарлицким // Дискурс-Пи. Екатеринбург. Вып. 7.

Филиппова Л.Е. (2011a). Институциональное включение/исключение // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Филиппова Л.Е. (2011b). Стратегии институциональных изменений // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Фишман Л.Г. (2004). В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург.

Фишман Л.Г. (2011). Исчезнет ли мораль? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 11.

Хлопин А.Д. (2011). Гражданская вовлеченность в социуме клик: потенциал институциональной трансформации // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Эриксон Э. (1999). Психоанализ Гитлера // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара.

Marshall T.H. (1973). *Class, Citizenship and Social Development*. Garden City ; New York.

Parsons T. (1972). *Commentary on Clarc* // Andrew Effrat (ed.) *Perspectives in Political Sociology*. Indianapolis.